

Янтарное вино покачивалось в чаше, расходясь кругами ряби. Вэй Юй медленно протянул руку, чтобы взять её, а в голове вихрем проносились мысли. Подумать только, кристально чистый нектар вполне мог оказаться смертельным ядом, точно так же, как змеи и скорпионы любят принимать облик прекрасных дев, чтобы выпивать человеческую кровь. Пусть даже ван на словах распинался о высоком долге и справедливости, он находился в расцвете сил, был горд и заносчив, а значит, ни за что не пожелал бы смиренно стерпеть позор и встретить бесславную смерть! Сейчас Нинчэн вот-вот пал бы, силы иссякли, а помощи извне не жди — оставалось только одно: сражаться насмерть. В текущей обстановке силы врага превосходили их собственные, и вступать в открытое противоборство не стоило. Какой же хитроумный план применить, чтобы усыпить бдительность противника перед смертельным ударом? Разумеется, не обойтись без «хитрости самоубийства» — если ван явится из города с головой родного племянника и притворится, будто сдаётся, трудно было не поверить и не проникнуться хоть капелькой доверия у мятежников.

Вэй Юй обеими руками поднёс чашу с вином, но так и не поднёс её к губам. То, что ван только что сам протянул ему короткий меч, тоже таило в себе подвох: либо он проверял, не начеку ли тот самый, чтобы выбрать точный момент для удара, либо не хотел прослыть в глазах других хладнокровным и безжалостным тираном, а потому заставлял Вэй Юя первым проявить кровожадность, чтобы найти благовидный предлог для казни племянника. Что же до этого вина... Вэй Юй украдкой бросил взгляд на двери парадного зала: там нёс дозор его личный телохранитель Юйчи Шэн. Заметив, что его господин попал в опасное положение, тот бессознательно шагнул вперёд на полшага, но Вэй Юй тут же бросил на него предупреждающий взгляд — «не суетись» — и Юйчи Шэн тихонько отступил назад.

В этот критический момент снаружи внезапно раздалась череда торопливых шагов. Воспользовавшись тем, что ван отвлёкся, Вэй Юй прикрылся рукавом и целиком вылил вино вовнутрь, после чего с невозмутимым видом опустил чашу и легко отер угол рта, изображая на лице выражение наслаждения вкусом.

— Докладываю вану! — Несколько приближённых вана согнулись в поклонах, входя внутрь. Каждый держал в руках по несколько оперенных стрел и пачку писем. — С наступлением ночи воины обнаружили эти стрелы на городской стене. Их выпустили с северо-запада. К хвостовикам привязаны послания, извольте взглянуть, оба вана.

— О? — Ван приподнял сонные от вина глаза, выпрямился и с подозрением взял из рук приближённого записку. На ней виднелся лишь короткий ряд мелких иероглифов: Подкрепление прибыло, завтра в час кролика сигнальная стрела послужит знаком.

Он развернул вторую, третью — содержание было примерно тем же. В душе вана сначала вспыхнула дикая радость, но тут же сменилась бдительностью: подкрепление пришло не раньше и не позже, а аккуратно перед самым падением Нинчэня. Было ли это правдой или враг строил козни, заманивая его выйти из города? Раздумывая над этим, он продолжал просматривать послания одно за другим, как вдруг резко нахмурил брови, долго всматривался в бумагу в своих руках и передал её Вэй Юю:

— Болин, взгляни-ка.

На этом листе слова слегка отличались, там было написано: Болин, подкрепление прибыло, завтра в бою береги себя.

Ван испытующе вглядывался в малейшие изменения на лице Вэй Юя и чуть повёл бровью:

— Не знаю уж, что за подкрепление такое, раз они смеют называть тебя, сановного цзюньвана, по взрослому имени.

Вэй Юй осторожно изучил почерк и с улыбкой ответил:

— Вероятно, они написали так намеренно, чтобы мы не испытывали подозрений. Если я не ошибаюсь, войско ведёт пятый сын старого генерала Шэня — Шэнь Си, он же Шэнь Няньцин. Когда-то мы с ним несколько лет вместе учились в академии Ланьюэ.

Ван задумчиво тихо повторил:

— Шэнь Няньцин?

Вэй Юй невзначай вспомнил кое-что:

— Дядюшка, помнишь ли ты, как в первый год правления Сюаньчжэн мы с тобой по повелению императора путешествовали переодетыми и отправились на гору Ланьюэ навестить нашего учителя, господина Цзэн Цкана? Когда мы подошли к подножью горы, разыгрался азарт, и мы устроили скачки. Какой-то сорванец сидел на заборе академии, глазел по сторонам и всюю хлопал в ладоши, а сам горланил. Вот тем пацаном и был пятый сынок клана Шэнь.

Ван опустил взгляд и ненадолго задумался, невольно горько усмехнувшись. Прошло пять лет, воспоминания давно стёрлись, помнилось лишь, что сорванцу тому было лет двенадцать-тринадцать, кожа смуглая, руки-ноги длинные, он шустро карабкался по стене ту туда, то сюда, точь-в-точь дикая не прирученная обезьяна. Неужели он, всю жизнь славившийся своей мудростью, должен доверить собственную жизнь такому недоразвитому малолетнему мартышу?

Но стоило лишь подумать о том, что больше не придётся жалко прятаться в стенах города и сносить унижения, что наконец-то удастся сойтись с мятежниками в смертной схватке, как в груди снова закипала горячая кровь. Ладно, пусть мартыш так мартыш, на этот раз они уж точно от души навоюются... Завтра в час кролика, завтра в час кролика, этот ван уже больше не в силах сдерживаться.

Глава третья. Гремя славой, рассекает на коне с мечом молодой муж

Убедившись, что послания действительно исходят от подкрепления, ван тут же созвал своих военачальников и разработал детальный план завтрашнего сражения.

Совещание затянулось до самой четырёхчасовой стражи. Вернувшись в покои, он не стал сразу ложиться, а велел принести чистой воды, при свете свечи тщательно умылся, переоделся в чистое платье, аккуратно собрал волосы и закрепил их золотым венцом, после чего сел прямо в кресле, прикрыв глаза и погрузившись в сосредоточенные размышления. Речь шла о достоинстве и чести: в завтрашней битве, победит он, проиграет или умрет, он не мог уронить лицо вана Великого Чжоу из Нинчэня.

Битва была на носу, и в эту ночь все жители Нинчэня были обречены метаться в тревогах, не смыкая глаз. Подкрепление оставалось их последней тонкой нитью надежды на краю гибели, и очень скоро небеса вынесут окончательный приговор их судьбам.

В мире нет ничего постоянного, жизнь и смерть разделяет лишь мгновение, и никто не мог предсказать, куда выведет этот шаг — на широкую дорогу, залитую солнцем, или в девятифутовые желтые источники.

-

До наступления часа кролика ван уже вывел людей на северо-западную крепостную стену. Окинув взглядом окрестности, он увидел, что всё вокруг окутывало полумрачное марево. Сероватый туман заволок всю равнину, казалось, будто небо и земля увязли в тяжелом кошмаре, отчаянно пытаясь рассвести, но не в силах рассеять тьму. На самом краю слияния неба и земли прорезалась синевато-белая щель — словно затаившийся свирепый зверь прищурил глаза, собираясь с силами и ожидая лишь подходящего момента, чтобы разинуть огромную пасть и пожрать всё живое в этом мире.

Эта картина невольно заставила вана вспомнить битву при Шочжоу во второй год правления Тунлэ. Тогда его старший брат, бывший наследным принцем, лично вёл войско в поход, а он сам служил авангардом при армии. Имея за спиной надежную опору в лице брата, он без страха нёсся вперёд и прорывался сквозь врагов, но предательские козни разрушили всё, и когда отряд достиг Маиской отмели, они угодили в засаду, оказавшись в плотном кольце врагов. Старший брат, спешивший отличиться и заработать заслуги, совершенно не заботился о том, выживет он или погибнет, и воспользовался прекрасной возможностью, когда левый фланг неприятеля был скован его атакой, чтобы самостоятельно собрать силы и двинуться на штурм города Шочжоу.

Тогда он точно так же остался один-одинешенек перед лицом смертельной опасности, и прорыв точно так же начинался зябким, леденящим утром. В конце концов ему удалось выжить, но его лучший друг, самый преданный подчиненный и десятки тысяч солдат, следовавших за ним в атаку, навсегда остались лежать на Маиской отмели. Вот почему годы спустя, в разгар междоусобной борьбы за престол, он встал на сторону третьего брата, Ци-вана, и приложил все усилия, чтобы помочь ему свергнуть наследного принца.

На самом деле ему было всё равно, кто из братьев займет драконий трон. Он выбрал Ци-вана лишь потому, что тот был достаточно слаб — настолько слав, что еще долгое время нуждался в помощи младшего брата, способного впрячься в общее великое дело. Только так он мог жить долго и относительно спокойно.

С древнейших времен, как бы ни сменялись династии, во дворце всегда обитала стая зверей в парче и шелках. На словах они рассуждали о человеколюбии, долге, морали и приличиях, а на деле творили всевозможные бесчеловечные мерзости. Сыновья убивали отцов, жены травили мужей; если сегодня ты не сожрешь ближнего, завтра кто-то другой проглотит тебя живьем.

Теперь третий брат тоже погиб, а императором стал сын третьего брата. Ему пришлось сменить личину и превратиться в пьяницу и сластолюбца, разгуливающего по улицам, но даже при этом он не избежал подозрений и слежки. У Вэй Юя была кровная месть с маленьким императором, однако император по-прежнему внимал наущениям их клана, продолжая слепо доверять ему и возлагая важные поручения, тогда как он сам, родной дядя, превратился для них в бельмо на глазу и занозу в теле. Если вдуматься, у Вэй Юя не было ни войска, ни коней, ни богатств, ни влияния — он был подлинным принцем лишь по титулу, в то время как ван обладал сильной армией, несметными богатствами и властью, являясь важнейшим удельным князем Великого Чжоу на границе.

Зайцев перебьют — настанет очередь и борзых псов, лук спрячут за ненадобностью, когда перестреляют всех птиц. Эта истина оставалась неизменной на протяжении тысячелетий. И тем более это касалось свирепых псов и мощных луков.

-

На стене царила абсолютная тишина. Все до единого напряженно всматривались в далекие вражеские лагеря, гадая, с какой стороны ударит подкрепление. На вид ван казался совершенно невозмутимым, но в душе волновался сильнее любого из солдат. Он наставлял себя не питать слишком больших надежд, но при этом никак не мог унять волнение.

В отличие от тех родовитых аристократов, что с молодых ногтей не знали забот, ван был князем, прошедшим через настоящий огонь и кровь полей сражений. Пережив скитания и полжизни в седле, он боялся смерти, но еще больше страшился умереть жалкой и бесславной смертью.

— Смотрите! — Один из младших офицеров первым заметил следы подкрепления и вскинул руку, указывая на далёкие горные кручи.

Все затаили дыхание и перевели взгляд. На самой вершине пика туман словно разметало нечто массивное, и окружающие пейзажи слегка заколебались. Спустя долгие мгновения на вершине показалась крошечная черная точка — размытая и медлительная, отчего ван едва не впал в отчаяние. Но тут же эта точка с резким шорохом развернулась в обе стороны, словно гигантская птица, взмахнувшая крыльями... Это была величественная картина: целый отряд конников единым потоком переваливал через вершину горы!

Все эти всадники были облачены в черные одежды и мягкие доспехи, а их искусная езда поражала воображение. Подобно горному сели, они вихрем неслись вниз, мгновенно окрашивая половину склона в черный цвет.

Впереди всех скакал молодой юноша со смуглой кожей и длинными руками и ногами. За

плечами у него висел большой тугой лук, в руке он сжимал трехфутовый тяжелый меч, а под ним был вороной как смоль конь с четырьмя белыми ногами и белой отметиной во лбу, похожей на падающую звезду. Человек и конь слились воедино, поражая удалью и гибкостью движений. Он крепко сжимал боевое знамя, которое шумно трепетало на ветру: на черном фоне алел огромный иероглиф «Шэнь».

Больше не нужно было спрашивать Вэй Юя, ван сразу понял: этот юноша — несомненно, Шэнь Си.

Добравшись до середины склона, Шэнь Си натянул поводья, и его конь вскинул голову и громко заржал. Звук, подобный рыку дракона и тигра, долго эхом разносился по ущелью. В то же время в воздух взметнулся целый рой оперенных стрел со свистящими наконечниками, и пронзительный свист устремился прямо в небеса.

Этот кавалерийский отряд, подобно черному острому клинку, в мгновение ока рассек лагерь врага надвое и продолжил стремительный прорыв прямо к ряду шатров в самом северном конце Нинчэня. Там располагался главный штаб неприятеля: не только ставка самых отборных войск, но и резиденция самого вождя мятежников. Стоило уничтожить это место, как оставшиеся солдаты лишились бы головы и превратились в беспомощное мясо, готовое к закланию, рассыпавшись от первого же удара.

Тысячи конских копыт гулко били по камням, поднимая клубы желтой пыли, земля словно содрогалась, а в небо вздымались тучи густой гари. Этот грохот глубоко потряс сердца бесчисленных защитников Нинчэня, у некоторых на глазах даже выступили слёзы. Солдаты на стене разразились ликующими криками, и на лицах каждого засияло дивное воодушевление.

У вана от возбуждения зашевелились волосы на теле, а по коже побежали мурашки. В груди разгоралось пламя, и, собравшись с силами, он зычно отдал приказ:

— Передайте мой приказ: выступаем из города!

Затрепетали на ветру знамена, загремели боевые барабаны, и наглухо запертые ворота с грохотом распахнулись настежь. Доведенные до отчаяния солдаты с налитыми кровью глазами ринулись наружу, ни капли не страшась ни клинков, ни крови, ни ран. Ведь до этого они уже мысленно распрощались с жизнью: если бы подкрепление не подоспело, они очень скоро умерли бы от голода, сгорели в пожарах или были замучены после падения города. На этот раз они наконец-то могли вернуть врагам всю накопившуюся за эти дни боль и муки, наконец-то расправить плечи и вступить в яростный бой.

Вэй Юй неотступно следовал за ваном, неотрывно следя за обстановкой под стенами. На его лице не отражалось ни единой эмоции, однако руки в рукавах сжались в такие крепкие кулаки, что ногти впились в ладони до боли.

В тот самый момент, когда раздался пронзительный свист стрел, подавляющее большинство мятежников даже не поняло, что случилось.

Собранному с миру по нитке сброду была чужда любая воинская дисциплина, а тут ко всему прочему каждый из них был уверен, что победа уже у них в кармане. Они лишь ждали, когда падут северные ворота Нинчэня, чтобы ворваться внутрь и вдоволь предаться грабежу и резне. Даже если бы ворота устояли, жители Нинчэня рано или поздно умерли бы с голоду сами, так что им требовалось лишь небрежно окружить город снаружи.

Никто и помыслить не мог, что найдется отряд, способный незаметно проскользнуть мимо многочисленных дозоров и обрушиться на подножие Нинчэня словно войско, упавшее с небес.

В ту минуту неприятель находился в самом расслабленном за весь день состоянии: кони были расседланы, воины сняли доспехи. Услышав тревогу, кто-то не успел одеться, кто-то даже не отыскал оружия, и в конце концов под брань и тычки командиров они кое-как начали выстраиваться в боевой порядок.

А меж тем у подкрепления имелся четкий и продуманный план. Сначала два небольших отряда обошли противника кругом, чтобы поднять шум и создать видимость масштабного наступления, после чего вперед вынеслись лучники и осыпали позиции мятежников градом стрел, пробив в их обороне огромную брешь. В мгновение ока лучники отступили, и из засады вырвался отряд смертников, стремительно и яростно атаковавший образовавшийся прорыв. Первый же подбежавший воитель рухнул в лужу крови, второй перешагнул через него и ринулся дальше, за ними подоспели третий и четвертый. Брешь становилась всё шире, и вскоре туда ворвалось еще больше людей...

Это неравное по численности, но упорное противостояние продолжалось недолго, и под ударами высокого боевого духа вражеское кольцо на внешнем рубеже стало рушиться. Страх распространялся подобно чуме: те самые солдаты, что еще недавно пахали землю с мотыгами и граблями наперевес, больше не обращали внимания на флаги и барабаны, призывающие командиров идти вперед. Они бросали оружие и доспехи, голосили и разбегались кто куда, пряча головы.

Конское ржание, звон клинков, крики о помощи и боевые кличи слились в единый гул. Всюду вокруг Нинчэня клубился кроваво-красный туман.

-

Шэнь Си припал к конской спине, а его скакун, казалось, обладал разумом: он ловко уворачивался от атак разрозненных групп отступающих солдат и, проложив кровавую просеку сквозь несколько препятствий, помчался прямо к шатру главнокомандующего мятежников. Конь бежал быстро, меч разил еще быстрее, а движения юноши были стремительны — стоило сделать три движения, и вражеский солдат неизменно падал замертво. Юноша со своими воинами с гиканьем пронесся сквозь ряды неприятеля, чувствуя себя в стане врага как дома, и сам не заметил, как на его лице заиграла радостная улыбка.

Наблюдая издали со стены, ван чувствовал, как в груди бурлит кровь. В этот момент Шэнь Си уже не казался тем долговязым сорванцом, что когда-то карабкался по стенам. Он превратился в гордого орла, парящего над равнинами и свысока взирающего на всю суету бренного мира. Война для юного Шэнь Си была не просто борьбой на жизнь и смерть, а скорее жаркой, захватывающей игрой.

Тем временем командующий мятежниками в спешке облачился в доспехи, вскочил на коня и вынесся навстречу.

Завидев долгожданную цель, Шэнь Си без спешки вонзил боевое знамя в землю, так что оно замерло неподвижно. Он поднял тяжелый меч, направив острие прямо в межбровье вражеского военачальника, после чего высокомерно задрал подбородок, а уголки его губ искривила пренебрежительная улыбка — чистейший вызов.

Разъяренный противник тут же прищепил коня, держа меч в одной руке, и бросился в атаку. Шэнь Си не остался в долгу, крепко сжав бока коня ногами, понесся навстречу.

Вражеский генерал занес в воздух полуторасабливый меч, раскручивая его со свистом, и при встрече обрушил его на Шэнь Си сверху вниз с диким свистом рассекаемого воздуха. Шэнь Си стремительно откинулся назад на крупе скакуна, пытаясь увернуться от удара в лоб. В ту секунду, когда лезвие находилось всего в трех чи от его лица, враг яростно вложил оставшиеся силы в запястье, резко сменив траекторию удара. Клинок пошел ниже, прижимаясь вплотную к конской спине. Если бы юноша не шевельнулся, его непременно разрубили бы поперек пополам, а прыгни он вверх — молниеносное лезвие срезало бы ему ноги.

Ван невольно зажмурился, грудь его судорожно сжалась, а в голове пронеслось подобно громовому раскату: «Конец!»

Но когда он снова открыл глаза, жуткой кровавой картины он не увидел. Обе лошади разминулись, промчавшись прежним путем, но смуглый парнишка Шэнь Си куда-то исчез.

Оказалось, что в критический момент, когда смертоносный клинок уже проносился мимо и уклониться было невозможно, Шэнь Си кубарем скатился вниз. Он зацепился ногой за стремя, прижался спиной к конскому брюху, одной рукой вцепился в луку седла для равновесия, а другой изо всех сил взмахнул мечом на весу и с резким звуком перерубил правую заднюю ногу коню вражеского полководца. Все движения были выполнены слитно, чисто и решительно.

Лезвие было отточено до такой остроты, что после удара конь даже ничего не почувствовал и пробежал еще несколько шагов, и лишь затем раздался хруст, полетели обрубок ноги вместе с брызгами крови, и человек вместе с конем рухнули на землю плашмя.

Вражеский генерал отреагировал молниеносно: едва коснувшись земли, он вскочил на ноги и бросился бежать в сторону далекого леса. Шэнь Си не стал преследовать его. Выждав, пока тот отбежит на два десятка чжанов, он не спеша натянул тетиву на луке, прицелился и легко отпустил пальцы. Стрела словно обрела глаза — она пронзила спину беглеца насквозь с такой

чудовищной силой, что тело пригвоздило к стволу дерева впереди.

Расторопные воины тут же бросились в погоню на конях и срубили голову вражескому военачальнику, взметнув ее высоко на копье. Шэнь Си развернул коня, вернулся на прежнее место, подхватил воткнутое в землю знамя клана Шэнь и вместе с ожившими воинами помчался по вражескому лагерю, размахивая стягом, высоко поднимая отрезанную голову и зычно крича:

— Вражеский полководец убит! Мятежники, сдавайтесь! Вражеский полководец убит! Мятежники, сдавайтесь!

— Ура-а! — Вся округа вокруг Нинчэня подхватила его клич. Звуки неслись валом, подобно бушующему океану. Эту игру Шэнь Си все-таки выиграл — выиграл гордо, дерзко и упоительно.

Наблюдавший за битвой со стены ван не выдержал и звонко захлопал в ладоши:

— Хорошо!

Глава четвертая. В лесу шумит дождь, дорога поворачивает назад, а государя не видно

В полдень над Нинчэнем затянул мелкий дождичок. Туман заволок окрестные поля, прохладные осенние капли окропили вана, смывая всю накопившуюся за три месяца горечь и подавленность. Влажный воздух примешал к себе соленый привкус пыли и крови, проникая в самые ноздри и заставляя душу вострепнуться.

Звуки битвы постепенно стихали. Сражение подошло к концу: некогда непобедимая сотысячная армия Шунтяньского вана разлетелась птицами, исчезнув без следа. Повсюду валялись тела мятежников: одних сразили враги, других в панике затоптали собственные сослуживцы, третьи поплатились жизнью за то, что случайно преградили дорогу спешившим спастись бегством командирам, приняв нелепую смерть.

У подножия Нинчэня царил полный разгром — кроме шатров и знамен, мятежники оставили горы провианта и военного снаряжения. Наконец-то защитники города могли вдоволь наесться досыта. Пожалуй, ни одна трапеза в жизни этих простых солдат и жителей не принесет им столько радости.

Люди вана принялись зачищать поле боя, а другой отряд направился пересчитывать провизию и имущество. Когда Шэнь Си проезжал мимо верхом, он заметил худенького, похожего на подросток солдата, который украдкой вытащил из ящика кусок сушеного мяса и, забившись в угол, принялся жадно запихивать его в рот и жевать. Жуя, он вдруг словно что-то почучал, поднял голову и столкнулся нос к носу с любопытным взглядом Шэнь Си. От испуга парень так выпрямил спину, что затылком с глухим стуком ударился о деревянный столб.

Солдата от удара качнуло, но он не смел жаловаться на боль и, выкарабкавшись, рухнул на колени, моля Шэнь Си о пощаде. На беду, его щеки были набиты жестким мясом до отказа — его нельзя было ни выплюнуть, ни проглотить. Чем сильнее он паниковал, тем меньше звуков мог издать, лишь мычал глухо «м-м-м», разбрызгивая слюну и кусочки мяса. Утаивание военной добычи каралось смертью, и ему было от чего дрожать.

Шэнь Си склонил голову набок, с минуту понаблюдал за ним, а потом вдруг весело прыснул, взмахнул рукой и бросил что-то прямо к ногам солдата, после чего, не оглядываясь, погнал коня дальше. Лишь когда Шэнь Си отъехал далеко, новобранец робко опустил глаза и посмотрел вниз: Шэнь Си кинул ему кожаный бурдюк с водой. Горло немилосердно пересохло, и, оглядевшись по сторонам и убедившись, что никто не смотрит, парень жадно припал к горлышку, делая один большой глоток за другим.

Проглотив наконец жесткое мясо, он запоздало поцокал языком, ощутив неладное. Подозрительно втянув носом воздух и понюхав бурдюк, он отхлебнул еще раз — на сей раз распробовав как следует, и тут же выплюнул всё на землю с криком:

— Тьфу-тьфу-тьфу! Мать честна, да это же вино!

Встряхнув бурдюк, он обнаружил, что на дне еще осталось немного, и, передумав выбрасывать сокровище, сунул его под панцирь на груди, тщательно разгладив складки одежды. Довольный донельзя, он поспешил на воссоединение со своими товарищами.

<http://bllate.org/book/21936/2279012>